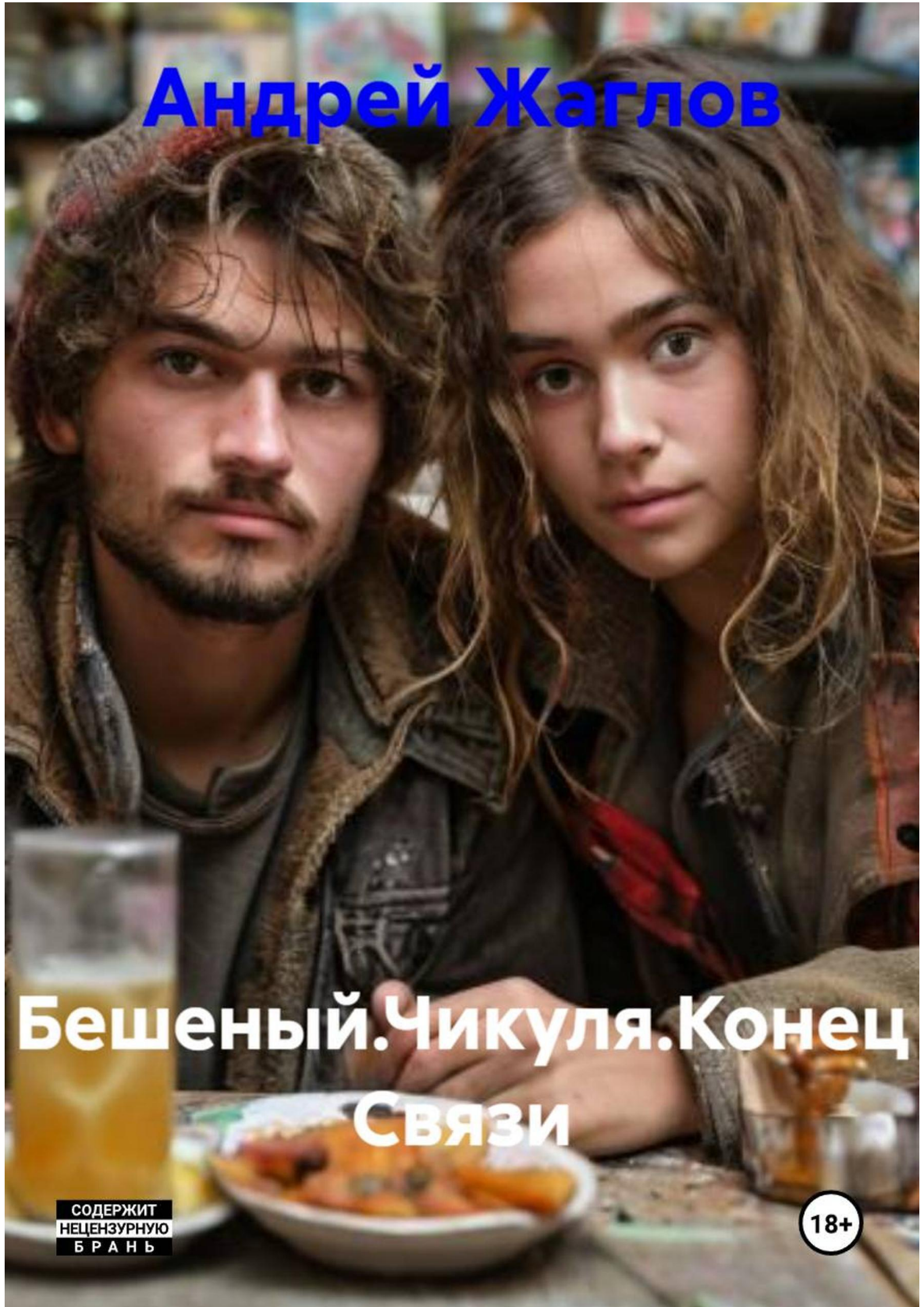

Андрей Жаглов

Бешеный. Чикуля. Конечт
Связи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Жаглов

Бешеный. Чикуля. Конец Связи

«Автор»

2026

Жаглов А.

Бешеный. Чикуля. Конец Связи / А. Жаглов — «Автор», 2026

Они жили на дне, пока их не нашли. Теперь за их отчаяние хорошо платят. Молодые алкоголики Серёга и Даша существуют в четырёх стенах между комнатой и дешёвым магазином. В их жизнь входит Никита — продюсер, который видит в их падении чистый, неразбавленный контент. Он предлагает еду, деньги и внимание, постепенно превращая их грязную реальность в реалити-шоу. Но цена славы оказывается выше, чем цена забвения.

© Жаглов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ЗАПАХ	5
ГЛАВА 2: ПЕРВИЧНЫЙ ОСМОТР	8
ГЛАВА 3: «ЗАТО НАШЕ»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Жаглов

Бешеный. Чикуля. Конец Связи

ГЛАВА 1: ЗАПАХ

Никита нюхал город. Не букет кофейен или парков, а другой запах — задворков. Запах мокрого асфальта у помойки, перегара из открытых окон общаг, кислого пива из вентиляции подвальных баров. Он ходил по спальным районам не как житель, а как геолог, ищущий жилу. Его жила — человеческое отчаяние в чистом, неразбавленном виде.

Он искал не в интернете. Интернет — это уже переработанные отходы. Он искал источник.

Его привело в район «Черёмушки». Типовые пятиэтажки, дворы, разбитые детские площадки. И сетевой магазин «Дешёвый». Всегда такой магазин. Он был маяком, вокруг которого крутились те, кому не хватало даже на соседний, чуть подороже.

Никита стоял у входа, курил, делал вид, что ждёт кого-то. Он наблюдал. Бабушки с тележками. Мамы с детьми. Мужики в рабочей одежде. И вот они.

Пара.

Он заметил их не сразу. Они вышли из подъезда соседнего дома. Парень — высокий, мощный, но как-то сгорбленный, будто носил невидимую тяжесть. Лицо обезличено апатией. На нём — грязная спортивная куртка и треники. Девушка рядом — маленькая, в яркой розовой кофте, которая кричала на фоне общего серого пейзажа. Она что-то быстро и громко говорила, жестикулировала. Он шёл молча, глядя под ноги.

Никита проследил за ними взглядом. Их путь был прям, как стрела: от подъезда к двери «Дешёвого». Они не зашли в магазин. Они вошли в него, как в свою кладовую. Через десять минут вышли. У парня в руках — серая пластиковая сетка. В сетке — четыре бутылки коричневого стекла. Пиво «Старый причал» — самое дешёвое, горькое, что брали только от безысходности. И батон. Больше ничего.

Они пошли обратно. Девушка теперь молчала. Парень нёс добычу. Их фигуры скрылись в том же подъезде.

Это было всё. Никаких телефонов в руках. Никаких наушников. Они даже не оглянулись по сторонам. Их мир был мал: комната — магазин — комната. Их связь с внешним миром — четыре бутылки пива.

Сердце Никиты забилось чаще. Он нащупал в кармане карамельку, сунул в рот. Сладкий вкус был контрастом с той горечью, которую он только что увидел.

Он не знал их имён. Не видел их слёз. Но он понял их. Понял по походке, по взгляду, по этому безошибочному выбору «Старого причала». Это были не просто пьяницы. Это были профессионалы падения. Они достигли дна и обустроились на нём.

Никита пересёк двор, подошёл к подъезду. Дверь не закрывалась. Он вошёл. Запах — кошачья моча, старая пыль, тление. Он поднялся на третий этаж. На площадке — три двери. На одной — след от снятой таблички. На второй — наклейка «Слава России». На третьей — ничего. Но из-под неё щелью струился тот самый узнаваемый запах: перегар, затхлость и сладковатый душок забродившего чего-то.

Он постоял, прислушался. Из-за двери — приглушённый женский голос, срывающийся на крик. Потом глухой удар — будто кулаком по столу. И тишина.

Никита не стал стучать. Не сейчас. Он спустился вниз, вышел на улицу. Его мозг уже работал, составляя план.

Объект М (мужчина). Кличка: Бешеный. Возраст: 25-30. Состояние: глубокая апатия с вспышками немой агрессии. Алкоголь — не развлечение, а способ существования.

Объект Ж (женщина). Кличка: Чикуля (потребуется выяснить источник слова). Возраст: 20-25. Состояние: истерическое, эмоционально нестабильное. Алкоголь — способ коммуникации и бегства.

Динамика: Классическая созависимость. Он — молчаливая скала, она — бурлящий океан. Без её истерик его молчание бессмысленно. Без его молчания её истерики не на кого обрушить.

Среда: Квартира-помойка. Полная цифровая стерильность (нет гаджетов, интернета). Их реальность — четыре стены и «Дешёвый».

Потенциал: Колоссальный. Они — чистый лист. Нет привычки к камере, нет желания «казаться». Всё, что они будут делать перед объективом, будет на 100% настоящим. Зритель почувствует это кожей.

Никита вернулся в свою чистую, минималистичную квартиру. Он достал не ноутбук, а диктофон. Нажал запись.

«Голосовая заметка. Проект «Дно». Обнаружение.

Найдена пара. Мужчина и женщина. Живут в районе Черёмушки, дом 25, корпус 3, подъезд 2, этаж 3, дверь без номера. Предположительно, не имеют работы, живут на что-то мелкое (может, пособие). Активно употребляют пиво «Старый причал». Признаков использования интернета или современных гаджетов — ноль. Язык общения — бытовой скандал.

План первой фазы:

1. Установить наблюдение. Выяснить режим. Когда выходят за алкоголем.

2. Первый контакт. Войти в доверие. Я — социальный работник из благотворительного фонда (придумать название). Раздаю продуктовые наборы «трудным» парам. Мой козырь — я не из полиции, не из соцзащиты. Я «помощник».

3. Первая помощь. Принести им еды и... алкоголя. Да, алкоголя. Стать для них источником ресурса.

4. Внедрение технологий. Подарить «старый телефон для связи». Научить делать фото. Показать, что такое интернет. Они откроют для себя новый мир. И первое, что они в нём увидят, будут они сами — через призму моего проекта.

5. Начало съёмок. Сначала — просто фото «для фонда». Потом — видео-интервью. Потом — предложение установить камеру «для изучения бытовых проблем». Они, привыкнув ко мне и к ресурсам, согласятся.

Цель: Постепенно превратить их реальность в реалити-шоу. Они даже не поймут, когда граница исчезнет. Их скандалы, их пьянство, их редкие моменты покоя — всё станет контентом.

Риски: Агрессия со стороны мужчины. Полное непонимание со стороны женщины. Нужно действовать мягко, быть «другом».

Конец заметки.»

Он выключил диктофон. Включил компьютер. Не для поиска их следов — их не было. Он начал рисовать в графическом редакторе логотип. Стилизованная бутылка и два силуэта — мужской и женский. Название: «НаДне». Или «ЧиКиПиКи». Подумать.

Он смотрел на эскиз. Эти двое, спящие сейчас в своей вонючей квартире, даже не подозревали, что завтра в их жизнь войдёт человек, который принесёт им не только еду и выпивку, но и зеркало. Зеркало, в котором они увидят своё отражение, и это отражение станет товаром. А они, глядя в него, начнут жить уже не просто свою жизнь, а жизнь на камеру. Постепенно. Неотвратно.

Никита лёг спать. Ему снилось, как он даёт Даше в руки телефон. Она смотрит на экран, на своё заплаканное лицо в селфи-камере, и её глаза расширяются от изумления. «Это я?» —

спрашивает она. «Да, — говорит Никита. — Это ты. И весь мир сейчас смотрит на тебя. И плачет вместе с тобой».

Это была не ложь. Это была лишь преждевременная правда.

ГЛАВА 2: ПЕРВИЧНЫЙ ОСМОТР

День был серым, бумажным, будто выцвел от постоянного безразличия. Никита стоял во дворе дома 25, корпус 3, с двумя пластиковыми пакетами в руках. В одном — продукты: макароны «Гребешки» в синей пачке, две банки тушёнки «Говядина» с подозрительно долгим сроком годности, пачка дешёвого печенья «Юбилейное», хлеб. В другом — два литра воды и две бутылки «Старого причала». Бутылки стукались друг о друга с глухим, знакомым звуком.

Он проверил легенду в голове. «Фонд «Второй шанс». Молодёжная программа поддержки. Вы попали в нашу случайную выборку. Просто хотим помочь». Никаких документов. Документы пугают. Доверие должно строиться на взгляде и на подарке.

Он вошёл в подъезд. Запах ударил в нос — стойкая смесь кошачьей мочи, старой пыли и влажного бетона. На стенах — слоистые наросты надписей и клякс. Лестница скрипела под ногами. На третьем этаже он остановился перед той самой дверью. Из-под неё по-прежнему тянуло перегаром и чем-то кислым, словно внутри что-то медленно бродило и гнило.

Он прислушался. Тишина. Не та, что от пустоты, а густая, пьяная тишина после скандала или перед ним. Он постучал. Негромко, но настойчиво. Два раза.

Сначала — ничего. Потом шорох, глухое бормотание. Шаги. Неподвижные, тяжёлые. Дверь не открылась, но за ней кто-то встал.

— Кто? — мужской голос, хриплый, пропитанный сигаретами и алкоголем.

— Из социального фонда, — чётко, но без пафоса сказал Никита в щель. — «Второй шанс». Принёс гуманитарную помощь для молодой пары.

За дверью наступила пауза. Слышно было, как человек за дверью дышит — тяжело, с присвистом. Соображает. Помощь. Помощь — это хорошо. Но чужой голос — плохо.

— Нам ничего не надо, — прорычал голос.

— У меня с собой продукты. И пиво, — чуть громче сказал Никита, позволив пакетам зашуршать. Он знал, какой аргумент сработает.

Задвижка с лязгом отодвинулась. Дверь открылась на цепь, на ширину ладони. В щели показался глаз — мутный, с лопнувшим капилляром в углу. Это был он. Серёга. Вживую он казался ещё крупнее и более... изношенным. Как грузовик, брошенный в поле ржаветь.

Глаз скользнул по Никите, по пакетам, задержался на торчащих из пакета бутылках. Бутылки «Старого причала» были как пароль. Свой человек не стал бы носить эту отраву просто так.

Цепь упала. Дверь открылась.

— Заходи. Быстро.

Никита переступил порог. Запах внутри был концентрированным, осевшим в стенах и вещах. Запах немытого тела, прокисшего пива, подгоревшей еды, нищеты и отчаяния. Он ударил по горлу. Никита подавил спазм и сделал шаг вперёд.

Комната была проходной, она же — кухня, она же — зал. Одно окно, заляпанное грязью и пылью, пропускало скудный свет. В углу — двухконфорочная плита, залепленная брызгами жира. Рядом раковина, заваленная грязной посудой, из которой проросла своя мелкая, серая жизнь. Посреди комнаты — обеденный стол, весь в кругах от стаканов и сигаретных ожогов. Две табуретки. И диван-книжка, когда-то оранжевый, а теперь цвета грязной земли. На нём, подмятом под себя байковым одеялом, сидела девушка. Даша.

Она смотрела на него огромными, не по-детски синими глазами. В них был испуг, любопытство и туман не до конца прошедшего опьянения. На ней была та же розовая кофта, теперь в пятнах. Волосы свалились. Она выглядела как больной, испуганный ребёнок.

— Это кто? — спросила она, не отрывая от Никиты взгляда.

— Молчи, — отрезал Серёга. Он закрыл дверь на задвижку, повернулся, прислонился к косяку, скрестив руки на груди. Он блокировал выход. Его взгляд был тяжёл, как гирия. — Ну, показывай, что принёс.

Никита поставил пакеты на стол. Достал по очереди продукты, выкладывая их на грязный пластик. Макароны, тушёнку, печенье. Последними — две бутылки пива. Он поставил их с лёгким стуком. Бутылки «Старого причала» стояли как трофеи, как доказательство его понимания.

— Я из фонда «Второй шанс», — начал Никита, отлаживая в голосе нужные ноты: нейтрально, без жалости, по-деловому. — Мы работаем с молодыми парами, которые попали в сложную ситуацию. Случайным образом выбираем адреса. Ваш попал в выборку. Это разовая помощь. Никаких отчётов, никаких документов. Просто передать.

Серёга не двигался. Его глаза сузились.

— Какой ещё фонд? Не слышал. Ты от государства?

— Частная инициатива. Бизнесмены-меценаты, — солгал Никита. — Хотят помогать молодым. Чтобы не спивались.

Последняя фраза была рискованной. Она прямо указывала на их проблему. Но иногда нужно назвать вещи своими именами, чтобы стать своим.

Даша поднялась с дивана, подошла к столу. Её движения были неуверенными, пьяными. Она потрогала пачку макарон, как диговинку.

— И... и всё? Бесплатно?

— Бесплатно, — кивнул Никита. — Можете сейчас проверить. Я подожду.

Он сделал шаг назад, к стене, демонстрируя, что не представляет угрозы, что он просто курьер. Его глаза быстро сканировали пространство. На подоконнике — десятки пустых бутылок «Старого причала», выстроенные в беспорядочные ряды. На стене — пятно от чего-то брошенного. На полу — окурки, смятые пачки из-под сигарет, обрывки газет.

Серёга медленно оторвался от косяка. Подошёл к столу. Он взял одну из бутылок. Поднял её к свету, будто проверяя качество. Бутылка была полной, нераспечатанной. Он поставил её обратно. Его движения были точными, несмотря на состояние. Это был навык — обращаться с бутылкой.

— Чего надо-то? — спросил он, глядя уже не на пиво, а прямо на Никиту. — Чего тебе?

— Ничего. Просто помочь. Возможно, мы будем ещё раз заезжать. Если программа продлится.

— Шпионишь? — голос Серёги стал тише, но опаснее.

— Зачем мне шпионить? — Никита развёл руками. — Посмотрите на себя. Что я могу о вас узнать такого, что и так не видно?

Это была жёсткая правда, сказанная без злобы. Она обезоружила. Серёга промолчал, его челюсть напряглась.

А Даша в это время взяла другую бутылку. Она была легче, проворней. Она повертела её в руках, нашла на этикетке смешную деталь — криво наклеенную картинку с парусником.

— Смотри, Серёж, кораблик, — она хмыкнула. — Наш кораблик. Тоже на мели.

Серёга не ответил. Его внимание было приковано к Никите. И тут Никита сделал свой первый стратегический ход. Он потянулся во внутренний карман куртки — медленно, чтобы не спровоцировать. Серёга тут же напрягся, его плечи подались вперёд.

— Спокойно, — сказал Никита. — У нас в фонде ещё есть программа... связи. Для подопечных. Чтобы они могли связаться в случае чего. Вот.

Он достал старый, но работающий смартфон. Samsung, модель пятилетней давности, с царапинами на экране, но заряженный и с пополненным балансом на мелкие расходы. Положил его на стол рядом с пивом.

— Что это? — спросила Даша, сразу заинтересовавшись.

— Телефон. Простой. На нём есть немного денег. Можно звонить. И... фотографировать, — последнее слово Никита произнёс с лёгкой, будто случайной улыбкой.

— Фоткать? — Даша потянулась к аппарату, но не решалась взять. Она смотрела на него, как первобытный человек на огонь. — Зачем?

— Ну, чтобы... память оставлять. Или если что случится — сфоткать и нам скинуть. Мы поможем.

Серёга нахмурился. Телефон был сложнее, чем еда. Еда — это понятно. Её съедят, и след простынет. Телефон — это связь. Это чужое окно в их мир.

— Нам не надо, — буркнул он. — Забери.

— Я не могу забрать, — мягко сказал Никита. — Это по условиям программы. Если не берёте — придётся отчитываться, почему. Лучше оставьте. Можете даже не пользоваться. Положите в ящик.

Он сделал паузу, давая идее осесть. Потом добавил, глядя на Дашу:

— Хочешь, покажу, как фото делать? Очень просто.

Даша метнула взгляд на Серёгу. Тот молчал, сжав губы. Его недоверие боролось с апатией. Апатия и усталость от вечной борьбы с миром побеждали.

— Ну... покажи, — тихо сказала Даша.

Никита взял телефон. Разблокировал его. Зашёл в камеру. Интерфейс был простым. Он повернулся к Даше.

— Вот тут кнопка. Наводишь на то, что хочешь снять, и нажимаешь. Всё.

— И всё? — она взяла телефон из его рук. Держала осторожно, двумя руками. Её пальцы, с облупившимся лаком, дрожали. Она навела камеру на стол — на макароны, на бутылки. Экран засветился. Она ахнула. — Ой! Оно движется!

— Это просто экран. Нажми.

Она нажала. Раздался щелчок затвора. На экране застыло изображение стола с едой и пивом.

— Получилось? — она смотрела то на экран, то на Никиту.

— Получилось. Можешь кого-нибудь снять.

Даша медленно, почти торжественно, повернула телефон. Навела на Серёгу.

Серёга стоял, прислонившись к стене. Его лицо было каменным. Он смотрел не на Дашу с телефоном, а на Никиту. Взгляд его говорил: «Я тебя вижу. Я тебя вычислю».

Даша нажала кнопку. Щелчок.

— Серёж, смотри! Ты как живой! — она побежала к нему, протягивая телефон.

Серёга наконец оторвал взгляд от Никиты, глянул на экран. На маленьком дисплее было его собственное лицо. Нахмуренное, уставшее, небритое. Глаза, в которых читалась вся тяжесть его существования. Он смотрел на себя как на незнакомца. На врага.

Он резко отстранился.

— Отстань.

Даша не обиделась. Она была увлечена новой игрушкой. Она стала фотографировать комнату: грязное окно, пустые бутылки на подоконнике, пятно на стене.

А Никита в этот момент наблюдал за Серёгой. Тот отошёл к столу. Он снова взял одну из принесённых бутылок. Не ту, что до этого. Другую. Он взял её не для проверки. Он взял её, потому что ему нужно было за что-то держаться. Его мир, состоявший из твёрдых, понятных вещей — дивана, стола, двери — дал трещину. В него вошёл чужой человек. Принёс еду, пиво и эту штуку, которая ловит твоё изображение. Нужно было ухватиться за что-то настоящее. За что-то своё.

И вот тогда Никита увидел это.

Рука Серёги. Большая, с широкими костяшками, в царапинах и ссадинах старых драк. Она обхватила бутылку «Старого причала». Не просто взяла. Сжала. Пальцы впились в стекло

так, что побелели подушечки. Сухожилия на тыльной стороне ладони выступили, как тросы. Казалось, ещё мгновение — и стекло лопнет, рассыплется острыми осколками, и он пойдёт на этого чистенького парня с этими осколками в руке.

Но он не двигался. Он просто стоял и сжимал бутылку. Это было напряжение всей его жизни. Всей злости, которую он давил в себе, всего унижения, всей безнадёги. Вся эта чёрная масса была сейчас сконцентрирована в одном жесте — в этой руке, сжимающей дешёвую бутылку пива. Это был его ответ миру. Его молитва. Его единственная сила — сила разрушить то, что дали.

Никита замер. Не от страха. От восхищения. Это был кадр. Лучший кадр, который он когда-либо видел. Не нужно было ничего придумывать, ставить свет, объяснять моделью. Всё было здесь. В этой руке. В этом напряжении между агрессией и бездействием. В этом символе — человек и его бутылка. Его тюрьма и его единственное достояние.

Даша, увлечённая съёмкой, не видела этого. Она щёлкала телефоном.

Серёга стоял так, может, десять секунд. Потом напряжение спало. Пальцы разжались. Он поставил бутылку на стол, чуть громче, чем нужно. Звук «тук» прозвучал как выстрел.

— Ладно, — хрипло сказал он. — Помог. Спасибо. Иди.

Это было не приглашение уйти, а приказ.

Никита кивнул. Он достиг большего, чем планировал. Он вошёл. Оставил еду. Оставил пиво. Оставил технологию. И получил бесценный материал — эту реакцию. Этот жест.

— Хорошо, — сказал он. — Телефон оставляю. Инструкция по простым звонкам внутри. Мой номер уже записан. Если что — звоните. Заеду через пару дней, может, ещё что понадобится.

Он двинулся к двери. Серёга не стал его провожать. Он остался стоять у стола, глядя в спину.

Даша оторвалась от телефона.

— Ты... как тебя?

— Никита.

— Спасибо, Никит, — она смущённо улыбнулась. Улыбка была кривой, жалкой, но настоящей.

Никита кивнул ей, открыл дверь, вышел на площадку. Дверь сразу же захлопнулась за его спиной. Послышался звук задвижки.

Он стоял на лестничной клетке, слушая своё дыхание. В ушах стучала кровь. Он достал из кармана диктофон, нажал кнопку, поднёс к губам. Говорил шёпотом.

«Голосовая заметка. Первичный контакт установлен. Впечатления.

Объект М(Бешеный): Высокий уровень базальной агрессии, подавленной апатией. Подозрителен. Ключевое наблюдение — реакция на стороннее вмешательство: сжатие бутылки как акт немого сопротивления. Это наш ключевой жест. Его нужно развивать.

Объект Ж(Чикуля): Любопытна, эмоционально лабильна, легко увлекается новым. Получила телефон. Проявила интерес к камере. Это наша точка входа. Через неё будем внедрять контент-сознание.

Среда:Хуже, чем ожидалось. Полная бытовая декомпенсация. Идеальный бэкграунд.

Следующий шаг:Дать им 48 часов. Пусть съедят еду, выпьют пиво, поиграют с телефоном. Затем — повторный визит. Цель: получить первое осознанное фото или видео от них самих. Инициировать первый конфликт для камеры. Например, вопрос о прошлом.

Конец заметки».

Он выключил диктофон, спустился по лестнице. На улице уже смеркалось. Он шёл к своему автомобилю, припаркованному в соседнем дворе, и в голове у него уже монтировался ролик. Чёрно-белый. Медленная съёмка. Рука, сжимающая бутылку. Крупно. Очень крупно.

Чтобы было видно каждую трещинку на коже, каждую каплю конденсата на стекле. И титры: «Иногда вся жизнь — в одном жесте. Дно. Эпизод 1».

Он сел в машину, но не завёл мотор. Сидел в тишине, глядя на тёмные окна подъезда. На третьем этаже, в той комнате, сейчас происходило то, что он запрограммировал. Серёга, наверное, уже открыл одну из бутылок. Даша, наверное, листала сделанные фотографии, удивляясь тому, как её жизнь выглядит со стороны. Они не знали, что это был первый день их новой жизни. Жизни на камеру.

А Никита знал. Он чувствовал вкус будущего успеха. Он был режиссёром, который только что нашёл своих главных актёров. И они даже не догадывались, что репетиция уже началась.

Он завёл машину и уехал. Сзади, в грязном окне на третьем этаже, на мгновение мелькнул розовый силуэт — Даша смотрела в окно, держа в руках светящийся экран телефона. Первый сеанс связи с внешним миром. Добро пожаловать в цифровую эпоху. Ваше падение теперь будет транслироваться в прямом эфире.

ГЛАВА 3: «ЗАТО НАШЕ»

Через три дня после визита Никиты в квартире появилась третья. Лена. Подруга Даши, точнее, знакомка с той самой ночной мойки в кафе. Лена не сбежала тогда от хозяина с цепочкой — она «договорилась». Теперь она иногда навещалась, принося бутылку подороже и пачку сигарет. Она была связью Даши с тем миром, где люди ещё как-то вертятся.

Серёга терпел Лену, потому что она приносила выпивку и не лезла к нему. Он сидел на своём месте у окна, курил и смотрел на бутылки, выстроенные на подоконнике, как генерал на бессмысленный парад своих солдат-пустышек.

Лена, яркая, с выпавшими рыжими волосами, устроилась на краешке дивана, рядом с Дашей. Между ними на табуретке — новая бутылка (от Лены) и почти допитая «Старый причал» (подарок Никиты). Лена достала сигареты, щёлкнула зажигалкой.

— Ну ты даёшь, — выдохнула она дым, оглядывая комнату. Как будто за три дня что-то изменилось. Ничего не изменилось. — Живёшь тут как в склепе. И что, этот твой новый... меценат, больше не приходил?

— Приходил, — тихо сказала Даша, попивая из стакана. Пиво было горьким, но сегодня горечь казалась знакомой, почти родной. — Опять еды принёс. И... телефон этот оставил.

— Телефон? — Лена подняла бровь. — Ну и? Звонила кому?

— Нет... Я просто... в него говорила. Как в дневник.

Лена фыркнула:

— Дневник? Дашка, ты с ума сошла? Кому это надо? Лучше бы денег дал.

— Он не... он не просто так. Он из фонда. Помогает.

— Какой ещё фонд помогает алкашам? — Лена бросила взгляд на Серёгу. Тот не реагировал, но его спина стала чуть напряжённей. — Чё он хочет-то? На фото вас снимать? Для отчёта?

— Не знаю, — честно сказала Даша. И вдруг добавила, глядя на бутылку: — Он спрашивал... как мы познакомились.

Лену это задело. Слухи, истории — её валюта.

— Ну и? Что сказала? Что он тебя, бродяжку пьяную, с лестницы подобрал? — Она криво усмехнулась.

Серёга повернул голову. Его голос прозвучал глухо, как удар по столпу:

— Лен, завали.

Но Дашу уже понесло. Пиво, присутствие подруги, странная исповедь в телефон — всё это прорвало плотину.

— А что было-то? — её голос стал громче, с истеричной ноткой. Она обратилась не к Лене, а как будто ко всей комнате, к Никите, которого нет, к миру. — Я с вокзала шла. Ревела. Зашла в первый подъезд... твой, Серёг. Сижу, реву. А он выходит. С бутылкой. И говорит: «Чё орёшь? Мешаешь». А я ему... я ему всё и вывалила. Про Ярика своего, про то, что мойщицей была, про хозяина...

Лена слушала, прищурившись. Это была драма, а она любила драмы.

— И он тебя впустил? Сразу? Рыдающую дуру с улицы?

— Не сразу, — вмешался Серёга, не оборачиваясь. — Думал, психопатка. Но потом глянул... Глаза, как у затравленного щенка. И всё. Жалко стало.

В его голосе не было ни капли сентиментальности. «Жалко стало» звучало как диагноз: неизлечимая болезнь.

— Жалко? — засмеялась Лена. — Серёга, тебя на «жалко» не развезёшь. Ты сам с миру по нитке.

— А у меня ниток не было, — резко парировал Серёга. — Была квартира матери. И стены. И тишина. А она... она хоть шумела. Живая была.

Даша смотрела на него широко раскрытыми глазами. Он так никогда не говорил. Никогда не объяснял. Он просто был.

— Ну и как? — не унималась Лена, подливая себе. — Романтика? Сначала плач, потом водка, потом любовь?

— Какая любовь? — Даша горько усмехнулась. — Сначала я три дня отсыпалась. Потом пыталась убраться тут. Потом... потом кончились его деньги на пиво. А у меня — триста рублей. Я пошла, купила две бутылки вот этой... «Охоты». Принесла. Он посмотрел на меня тогда... не так. Не как на дуру. А как на... ну, на своего человека. И сказал: «Зато наше». И мы выпили.

Она замолчала, потягивая пиво. В комнате было слышно, как за стеной кто-то включает телевизор.

— А до этого как жил-то? — Лена кивнула на Серёгу. — Небось, герой был?

Серёга медленно повернулся. Его лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

— Работал. На «Металлурге». Грузчик. День — работа, ночь — пиво. Как все. Потом завод встал. Вышвырнули, как отработанный шлак. Пошёл на стройку. Деньги вроде лучше. А потом... леса подо мной сложились. Спину переломило, как спичку.

Он сделал глоток, поморщился — не от вкуса, от воспоминаний.

— Больничные, уколы, врачи. Мать ещё тогда дома была, ухаживала. Потом и её в дурку повезли — старческий маразм. Оставили меня одного. С больной спиной, с пустой квартирой и с мыслью, что всё... кончено. Что я — брак. Человек-отход. И пить начал не для веселья. А чтобы не слышать, как эта мысль в черепе стучит.

Он говорил монотонно, без жалости к себе. Констатация фактов.

— А потом она приползла, — он кивнул на Дашу. — Со своей историей. И я глянул на неё и подумал: «Вот, блядь. Ещё один брак. Человек-отход. Прямо как я». И стало... не так одиноко. Понял?

Лена поняла. Она жила в мире, где люди используют друг друга. А тут была история не про использование. Про признание. Признание в другом такого же неудачника, такого же брака. Чтобы вместе быть браком — уже не так стыдно.

— И всё? — прошептала Лена. — И теперь вот так? Пиво, скандалы, и всё?

— А что ещё? — спросил Серёга. — Работу мне никто не даст — спина. Её — тоже, она без прописки, без диплома. Оформить что-то — морока. А тут... просто. Лежишь. Иногда говоришь. Иногда дерешься. Чаще — молчишь. Пьёшь. Засыпаешь. И новый день такой же. Зато свой. Никто не лезет. Не учит жить. Не тычет пальцем. Кроме таких, как ты, — он бросил взгляд на Лену.

Та обиженно надула губы.

— Я что, тыкаю? Я же помогаю!

— Помогаешь, — без эмоций согласился Серёга. — За это и терпим.

Даша вдруг подняла голову. Её глаза блестели.

— А Никита... он не тычет. Он... он как будто видит. Видит, что мы не просто алкаши. Что у нас есть история. Он спросил про «чики-пики». Я объяснила, что это значит. Он кивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.